

Китай. Раннее утро

Капитан Иосиацу курил, сидя на теплой броне своего танка, и плевать ему было, что это нарушение всех и всяческих инструкций. Да и вообще, курение в Японии не приветствуется. Плевать. Он и раньше не был светочем дисциплины, что отрицательно сказывалось на его карьере и положительно — на авторитете у подчиненных, а сейчас и подавно. Возможно, причиной тому — недостаточная чистота крови, бабушка Иосиацу была русской, невесть какими судьбами занесенной в Страну восходящего солнца еще во времена СССР. А может, просто издержки профессии — воевать, как ни крути, страшновато, и абсолютные герои встречаются разве что на страницах комиксов, которыми он зачитывался в детстве. А потому организму нужна хоть какая-то отдушина. Кто-то глушит спиртное. Капитан Иосиацу курил.

Сквозь клубы едкого сизого дыма Иосиацу наблюдал за своими подчиненными. Ядрености табака, который любителю подымить регулярно присылал родственник, уже второе поколение как обосновавшийся на территории России, мог бы позавидовать выхлоп русских же дизельных локомотивов. Родственник же называл это странным русским словом

«махорка»¹, выращивал для себя и вот, приохотил тогда еще сопливого лейтенанта, которого случайным ветром занесло к нему в гости. С тех пор трубка в зубах стала неременной частью образа молодого офицера, заставляя морщиться (то ли от столь вопиющего вызова обществу, то ли от зависти) старших по званию и вызывая тень восхищения на лицах молодежи.

Откровенно говоря, наблюдать особенно и не требовалось — танкисты прекрасно знали, что нужно делать. Работали без лишней суеты, но грамотно и слаженно. И здесь причина как в истинно японской дисциплинированности², так и в том, что капитан успел привить им понимание: мелочей в бою не бывает. И от того, что не проверен палец у трака, может случиться цепочка неприятностей вплоть до фатальных. Вылетел палец — рассыпалась гусеница — встал командирский танк — неподвижную мишень расстреляли — подразделение лишилось управляемости — противник его разгромил — образовался прорыв — рухнул фронт... Продолжать

---

¹На самом деле махорка — не табак, хотя и его ближайший родственник, отличающийся высоким содержанием никотина.

²На самом деле, истинно чья-то дисциплинированность (равно как и наоборот) полнейший бред. Дисциплина воспитывается. Еще в тридцатые-сороковые годы двадцатого века, несмотря на идущую войну, для японского рабочего отправиться в разгар процесса, к примеру, попить чаю, было нормальным. Как следствие, страдало и количество, и качество выпускаемой продукции. Преодолеть это стоило немалых усилий, процесс занял десятилетия. То же самое относится к «эталонным» в плане дисциплины немцам, которых за сто лет до того принуждали к качеству работы драконовскими мерами.

можно до бесконечности. И, так уж получилось, Иосицу, участник нескольких миротворческих операций, порой более похожих на полноценные войны, наблюдал примеры таких цепочек. Надо отметить, возникающих куда чаще, чем они должны происходить согласно теории вероятности.

Глубоко затянувшись дымом, способным вызвать мучительный кашель у кого угодно, капитан выколотил трубку о каблук (еще одна дурная привычка, приобретенная у русского родственника) и приказал завтракать. Разумеется, идти в бой с полным желудком чревато проблемами при ранениях в живот, но пока что их группа не имела соответствующих прецедентов. Китайцы воевали иногда достаточно храбро, но не слишком эффективно, поэтому с начала вторжения потери отдельной группы капитана Иосицу выглядели смешными. В такой ситуации запас сил, которые давала пища, мог оказаться более важным, чем риск получить ранение. Да и то сказать, неизвестно, будет ли сам бой — по данным разведки, впереди остались только полностью деморализованные, разрозненные и лишённые связи части еще недавно грозной на вид китайской армии. И хотя Иосицу не обольщался по поводу «неизбежных на море случайностей», лишних поводов для беспокойства он тоже не видел.

Солдаты ели... Ложки с вилками — наше всё, только наивные считают, что в Японии народ помешан на своих церемониях. На самом же деле все проще. Церемонии — это всегда был удел высшей знати, для остальных же, по сути, часть культуры, с жизнью не слишком пересекающаяся. Просто даже в стародавние времена, когда эти традиции зарожда-

лись, часами созерцать цветение сакуры или разглядывать сад камней могли лишь те, у кого избыток денег и времени. В нищей аграрной стране таких не бывает много. Да и сейчас... Внешний лоск Японии на самом деле скрывает отнюдь не такой реально высокий уровень жизни, как принято считать. А потому неспешно предаваться надуманным традициям, тем более на войне, солдатам некогда — их ждет работа. Не самая легкая. И не самая чистая.

Вообще, говоря откровенно, ситуация Иосиаци не слишком нравилась. Его предки участвовали во всех более-менее значимых войнах, которые вела Япония, и, хотя не достигали каких-либо предельных высот, служили честно. Внесли свой вклад в победы... И в поражения, увы, тоже. В Русско-японскую войну один из его предков командовал крейсером, и потомки тоже шли по флотской линии — до тех пор, пока разгром сорок пятого года не лишил страну большей части ее военной мощи. Учитывая, в какое ничтожество тогда впал флот, неудивительно, что следующему поколению их рода пришлось служить в сухопутной армии. Здесь, впрочем, жаловаться грешно — свои бронированные коробки вынужденно сухопутный капитан любил. Увы, он помнил и о том, что все войны, которые начинала Япония, вначале шли сравнительно легко, а потом оборачивались или колоссальными потерями, или жестокими поражениями. Это было уже почти традицией. Вот и сейчас капитан подспудно ждал момента, когда начнутся серьезные неприятности.

Тот факт, что проблемы еще не начались... Ну не считать же за таковые отчаянного китайского лейтенанта, будто из ниоткуда вынырнувшего перед са-

мым танком и, прежде чем его намотали на гусеницы, успевшего проделать в борту одной из машин аккуратную круглую дырочку? Сухая статистика войны. Один китаец, один антикварного вида гранатомет, танк, подлежащий восстановлению и уже эвакуированный для ремонта. И превращенный в гуляш, мелко нарубленный и хорошо прожаренный, экипаж этого самого танка. Или болото, в которое намертво ушел второй танк их группы. Сколь знал Иосицу, его до сих пор не смогли вытащить, и спецы из ремонтно-эвакуационной команды ходили вокруг него, чесали в затылках и не знали, как подступиться к задаче. Все это неприятно, однако не более того. А значит, что? Значит, или в кои-то веки прежний опыт можно спускать в унитаз, или... Или все куда хуже, пружина сжимается, и, когда ее сорвет, свободный конец чувствительно приложит тех, кто не успел разбежаться. Оказаться же в числе последних капитану совсем не хотелось.

Что пружина все-таки щелкнула, и отнюдь не вхолостую, он понял спустя несколько часов. И лишний раз убедился, что быть самым умным не всегда приятно.

С другой стороны линии фронта.

Ближе к вечеру

Русские всегда были сильны. Но раньше их уважали постольку-поскольку. Сейчас же... Правы были те философы, которые утверждали: бояться — значит, уважают. Это, конечно, утрированно, однако смысл в этом утверждении есть. Уважают не за

силу, а за готовность ее применить. Русские же в последние годы применяли ее не задумываясь. И как только им стало плевать на мнение «мировой общест­венности», сразу же добавилось робкого, но прочного уважения.

Все эти мысли крутились в голове майора Чжэна фоном, независимо от потока основной информации. А она, к слову, была познавательной со всех точек зрения. В кои-то веки Чжэн мог наблюдать за боем не только отстраненно, но и вообще с противоположной стороны линии фронта. И единственно, мучила его мысль, не пристрелят ли его русские за то, что увидел слишком многое.

Хотя по большому счету ничего особенного пока не происходило. Ночью подвезли танки, и они, мягко урча двигателями, расползлись по заранее отрытым капонирам. Два впереди, остальные чуть оттянув в тыл и на фланг. Если что и привлекало внимание, так это звук дизелей — танки явно не новые, а отлажено все, будто на «мерседесах». Работавшие над этим механики наверняка были отменными профессионалами своего дела. Позиции замаски­ровали, да так, что с того места, где расположился Чжэн, разглядеть их было практически невозможно. А ведь он, пользуясь тем, что русские сейчас числят его за своего, мог выбирать точку наблюдения по своему вкусу. Но, кроме маскировки (и наверняка чего-нибудь простого и эффективного, призванного сбить с толку знаменитую японскую электронику), ничего более серьезного пока не наблюдалось. Равно как и нормального пехотного прикрытия. А вот этого Чжэн уже не понимал, но спрашивать пока не рисковал. Зачем? Начнется бой — сам все увидит.

Что же, увидел. Для начала японскую танковую колонну, бодро шурующую по шоссе. Правда, шоссе это для Китая было так, мелочью, узенькой тропинкой, можно сказать, но вид того, как гусеницы вражеских машин перемалывают асфальт, вызвал в душе Чжэна праведный гнев. Несмотря на то, что это была вроде бы уже не его страна...

Колонна выглядела несерьезно. Восемь танков «Тип 10». Неплохие машины. Позади грузовики с пехотой... Чжэн едва зубами не скрипнул: если танки были японские, то грузовики — китайские. Японцы, похоже, в своих планах успели предусмотреть использование трофеев. Колонна выглядела, к слову, очень внушительно и, помимо солдат, наверняка тащила еще что-то. Но вот что именно, Чжэн не понял, поскольку русские начали действовать.

Те два танка, что располагались отдельно, с невероятной синхронностью дали залп. Очень четко отработали, да и позиция у них была что надо. Разве что далековато... Головной танк японцев сразу встал и принялся чадить густым, жирным дымом. Правда, ни взрываться, ни даже активно гореть он, похоже, не планировал. И сразу разлетелся веером раскаленных брызг замыкающий колонну грузовик — его выбрал в качестве цели второй танк. Что это значило? Да то, что русские рассчитывали справиться с бронетехникой японцев одним своим танком. Очень самонадеянно...

Как оказалось, совсем даже нет. Танк бил очень быстро. Выстрел, доворот башни, выстрел... Чжэн тут же понял все преимущество дистанции, с которой он работал, — доворачивать надо на меньший угол, экономится время. И все же — какая самонаде-

янность — и какая точность! На восемь танков русский потратил десять снарядов. И то лишь потому, что из двух подбитых машин экипажи не выпрыгнули, а попытались развернуть башни вручную. Учитывая, что они даже не видели цели, героизм смешивался с глупостью.

Второй танк с той же спокойной и четкой неторопливостью разносил автоколонну. Летели во все стороны куски перекрученного взрывами железа, едко чадил пластик, жарко пылали бензовозы, разбегались люди. Чжэна удивило, что их не пытаются задержать. Немногочисленная пехота (она все-таки была, но замаскировалась так, что засечь ее было нереально) точным огнем отсекала их от танков, старалась нанести максимальный урон, но в спину беглецам стреляла постольку-поскольку, больше для того, чтобы поддать им прыти. И японцы это поняли очень быстро...

Глядя вслед убегающему врагу, Чжэн вдруг с кристальной ясностью понял: против таких солдат у его людей шансов просто не было. Русские не просто умеют воевать — они умеют жить войной. И это страшно.

Примерно через полчаса он получил еще одно подтверждение этой мысли. Косвенное, но все же. Полковник, командир их соединения, шел, о чем-то неспешно беседуя с тем штабным лейтенантом. Для парня это был первый бой, уж что-что, а это Чжэн умел распознавать сразу. И — никаких эмоций, только спокойная деловитость да пометки карандашом в блокноте, которые парень делал на ходу. Абсолютно нетипичная для европейца, тем более современного европейца реакция. Для него происходящее не

было чем-то особенным, а ведь даже опытные солдаты порой вынуждены после боя пить водку, снимая накатывающийся стресс. Для этих же двоих происшедшее выглядело обычной работой, и если с полковником все было понятно, то в каком инкубаторе выращен мальчишка-лейтенант, оставалось только гадать.

Это же место, это же время

Если бы Поляков умел читать мысли, да еще и владел китайским языком (последнее, кстати, в поставленном условии самое сложное), он удивился бы тому, что думает о нем Чжэн. Хотя бы по причине абсолютного несоответствия его мыслей действительности. Проще говоря, в преддверии первого в его жизни реального боя колбасило Сергея до тремора рук.

Смешно. Полякову всегда казалось, что тремор — удел стариков, но вот, сподобился. И ведь, главное, бой еще даже не начался, просто танки на дороге появились. Инстинктивно он подтянул к себе автомат — опытный Полтавец настоятельно посоветовал к табельному «макарову» прихватить еще и нормальное (он именно так и сказал — нормальное) оружие, благо проблем с этим не было. Точнее, на складе прапорщик было попробовал что-то вякнуть, грозя неминуемыми проблемами — и замер, словно кролик на удава глядя на пистолет в руке полковника. Направленный — минуточку! — точно в его твердокаменный лоб. «Нет человека — нет проблемы», как-то исключительно ласково ска-